

Читая книгу бытия

Его слово вдохновляло на подвиги...

о том, как познакомились С. Н. Сергеев-Ценский и «крымский Мересьев» Захар Сорокин; как дружили писатель-академик и бывший партизанский разведчик Василий Талышев и как сейчас бережно и трепетно хранят сотрудники Алуштинского дома-музея писателя бесценное культурное наследие нашего знаменитого земляка

В Алуште Сергей Николаевич Сергеев-Ценский поселился в 1905 году: «Крым – вторая родина моя, Алушты край уединенный. Полвека здесь я жил влюбленный, читая книгу бытия...». Он жил здесь до своей смерти в 1958-ом, с перерывом в три с небольшим года. Во время Великой Отечественной войны...

Когда началась война, Сергееву-Ценскому шел уже седьмой десяток лет. Писатель к тому же болел, и быть на фронте в качестве военного корреспондента он, конечно же, не мог физически. Но то, что сделал Сергей Николаевич своим творчеством, своей публицистикой, в историю Великой Отечественной вписано ярко и прочно.

1. Был спасен, благодаря «Севастопольской страде»

В 1941 году, по специальному постановлению Политбюро ЦК ВКП (б), Сергеева-Ценского, как писателя, которого справедливо считали культурным достоянием Советского Союза того периода, эвакуировали из Алушты, выделив легковую машину («Эмку») и сопровождающего, сотрудника НКВД.

Сборы были недолгими, писатель сумел взять в автомобиль лишь два чемодана самых ценных и необходимых вещей, а также дорогую ему картину «Весенняя пахота» (авт. Степан Колесник, 1915 год), которая нынче украшает гостиную Алуштинского литературно-мемориального дома-музея С. Н. Сергеева-Ценского. В Керчи автомобиль они оставили в воинской части и далее поездом добирались до Москвы. В годы войны вместе с правительством, согласно специальному распоряжению, Сергеев-Ценский с женой Христиной Михайловной эвакуируется в Куйбышев, а затем в Алма-Ату. Здесь он жил и работал до 1944 года.

В лихую годину, кроме оружия, несомненно, огромную роль играет слово. То, которое поднимает народ на защиту родной земли от захватчиков. То, которое ведет за собой в бой, приближая победу. И писатель активно выступает в различных газетах и журналах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Огонек», «Красноармеец», «Краснофлотец», во фронтовых изданиях) с публицистическими статьями, историческими рассказами и новеллами на патриотическую тему. Его короткие, пронизанные любовью к Отчизне произведения о героизме, мужестве и подвигах российских и советских солдат публикуются также в отдельных, небольшого формата брошюрах, которые советские солдаты и офицеры могли поместить в кармане гимнастерки: «Народ-герой», «Мужество и доблесть», «Хитрая девчонка» (о героизме семнадцатилетней медсестры), «Старый врач» и другие. С фронта ему приходило множество писем от бойцов. Вот небольшие фрагменты лишь двух из них.

«Наша гвардейская часть прошла огромный боевой путь от Сталинграда. Много трудностей преодолела наша часть и много совершено ее гвардейцами подвигов. Немалая толика заслуженной славы одного из лучших соединений, которой пользуется наша часть, падает и на Вас. Пламенные строки Ваших статей вели нас в бой. Примеры мужества и

героизма героев Ваших произведений вдохновляли нас на подвиги. Сейчас, когда мы находимся вдалеке от Родины, а потребность в художественном слове с каждым днем возрастает, мы ощущаем острую нужду в художественной литературе. Наша библиотека в одной из последних боевых операций погибла. Поэтому мы решили обратиться к Вам с просьбой о высылке нам Ваших произведений...»

«22 октября 1943 год. Действующая армия. Дорогой Сергей Николаевич! Сидели мы в блиндаже, ждали почту. Принесли газеты, прочли мы о собрании Академии наук и узнали об избрании Вас академиком. Очень радостно мне было прочитать об этом, Сергей Николаевич. Глубоко и искренне уважаю и люблю и Вас и Ваши чудесные произведения. И мне захотелось от души поздравить Вас, пожать Вашу честную трудолюбивую руку и пожелать многих и больших успехов в литературе. Мои товарищи по оружию: летчики, штурманы, инженеры, авиационные командиры - все они знают Вас, читают Вашу «Севастопольскую страду» и тоже испытали чувство удовлетворения от избрания Вас академиком и они просили передать горячие поздравления от них. Если бы Вы знали, с каким интересом слушали они мои рассказы о Вас, как спрашивали о Вашей жизни и работе...»

Необходимы были, понимал писатель, и фундаментальные произведения, которые бы рассказывали о знаковых военных событиях в истории России, воспитывали советских бойцов на подвигах их отцов и дедов. И уже в начале 1942 года появляется его роман «Брусилловский прорыв». Речь идет об уникальном сражении, разработанном генералом Брусилловым во время Первой мировой войны, когда малым количеством русских войск на одном из участков фронта были разбиты немецкие войска.

Его книги солдаты, бывало, даже носили в «сидорах» -- вещмешках, где было у бойца только самое необходимое: кружка, ложка, кусок хлеба, махорка (иной раз даже противогазы выбрасывались, поскольку лишние граммы при долгих пеших маршах становились тяжелой ношей). Так, в морской библиотеке Севастополя хранится толстая книга «Севастопольская страда» с пулей, которая не сумела дойти до тела воина, застряла. Тем самым кому-то была спасена жизнь.

2. Дружба с воздушным асом, воевавшим... без ног

За творческий вклад в победу Сергееву-Ценскому было присвоено высокое звание академика и доктора филологических наук МГУ. Он также был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Писатель в своих произведениях как о Крымской войне, так и о Великой Отечественной, показывал простого русского солдата и матроса в проявлении его характера, воли, мужества в годину тяжелых испытаний.

Одним из таких воинов был летчик, которого называли «крымским Мересьевым» -- Захар Артемьевич Сорокин. «В сорок первом году в Куйбышеве мне предложил Воениздат написать рассказ на тему корреспонденции в «Известиях». Рассказ я написал, назвав «В снегах». Фамилию пришлось переменить, чтобы рассказ не носил характера очерка», - позже вспоминал Сергеев-Ценский.

«... Ему часто приходилось вылетать в разведку и возвращаться в положенный срок, никого не встретив в воздухе. Однако еще с раннего утра он, как и другие, видел, что день наклеивается ясным. Небо было хоть и облачным, но с большими прозорами бледной голубизны. А когда «ястребок» прорезал два слоя облаков, небо стало гораздо просторнее,

чище... И вдруг разглядел в нем Свиридов три мутные, прячущиеся в облаке тени самолетов. «Может быть, свои, не фашистские?»

Послушный опытным рукам, лежащим на штурвале, «ястребок» пошел на сближение. Свиридову просто хотелось убедиться, что это свои, в чем он был почти уверен, однако, чем ближе он подходил, тем яснее видел: враги. Чтобы напасть, нужно было набрать высоту. Лейтенант быстро взял штурвал на себя – «ястребок» резко взмыл кверху. Настал момент. Свиридов выбрал бомбардировщик, который был ведущим в звене, и спикировал на него. Затяжная очередь трассирующих крупнокалиберных пуль пронзила правую плоскость. Тяжелая вражеская машина начала оседать, но он, увлекшись, продолжал тратить на нее свой запас патронов.

Фашистский бомбардировщик зарылся в тучах и исчез из виду. Он был уже выведен из строя, а два других? Свиридов присмотрелся к ним и увидел, что они, потеряв ведущего, изменили направление и уходят от него во всю силу моторов. Сбитый им бомбардировщик был третьим по счету в списке его побед; один из тех, что был впереди, стремившийся от него уйти, входил в шеренгу четвертым...»

Ему, повествует писатель, удалось сбить вражескую машину, но и его «ястребок» тоже спикировал к земле, получив повреждение. Когда лейтенант пришел в сознание после удара самолета о лед, первое, что он увидел, были два гитлеровца с собакой, которые бежали к его самолету. Свиридов сумел уничтожить врагов, причем последнего – врукопашную, получив при этом финским ножом рану лица. После схватки лейтенант, преодолевая боль, взял из «ястребка» то, что посчитал самым нужным в дороге: бортпаек, карту, авиакompас.

«...и пошел прямо на север, чтобы выйти к морю. Он то проваливался в глубокий снег, то выбирался на лысый обледенелый камень обрывистых ребер сопки, то застревал в ползучих деревьях, похожих на кустарник, и не успел еще перевалить через сопку, как уже надвинулся вечер. Ему казалось, что отсюда, с порядочной высоты он должен будет увидеть темную полосу моря, но не было ничего видно кроме других сопки, густо уже синевших во всех своих впадинах...»

Прошла одна ночь, вторая. Была у раненого летчика встреча с волком, была сильная метель, которая принесла резкий холод. Он уже не чувствовал ног, которые деревенели, практически не мог двигаться. Шел, как в бреду. И к вечеру третьих суток лейтенант наконец вышел к морю. Здесь его, терявшего сознания от усталости, подхватили матросы Северного флота...

Автор и герой его рассказа, опубликованного в ноябре 1941 года, встретятся уже после войны. Отважный летчик отправит в Алушту письмо, которое и положило начало знакомству с писателем: «Уважаемый Сергей Николаевич! Прочитал Ваш рассказ «В снегах», где Вы пишете о подвиге лейтенанта Свиридова. Я хотел бы знать: что, это имя вымышленное или настоящее, потому что то, о чем Вы пишете в этом рассказе, произошло со мной на Севере в 1941 году в октябре месяце. Прошу Вас ответить на мой вопрос. С приветом к Вам, Герой Советского Союза Захар Сорокин». Их дружба будет продолжаться до самой кончины Ценского. Живя в Евпатории, Захар Артемьевич еще не один раз потом приедет в Алушту – в дом-музей писателя. В 1985 году подарит музею две уникальные фотографии: на одной он, летчик военно-морской авиации Северного флота, в военное время, на второй вместе с Алексеем Мересьевым в гостях у Сергеева-Ценского в 1956-ом.

Всего в СССР было восемь человек, которые воевали на протезах. Шестеро удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Один из них Захар Сорокин. Именно он (а не Алексей Мересьев, как принято считать) стал первым советским летчиком, который продолжал воевать, имея протезы вместо ампутированных ног.

3. Не все удалось вернуть...

Что касается уникальной библиотеки писателя, его картин (Сергеев-Ценский был замечательным художником!) – как же сумели сохранить все это культурное, бесценное творческое наследие? Неужели не разграбили его захватчики в годы оккупации? Об этом интересуюсь у директора Алуштинского литературно-мемориального дома-музея Валерия Цыганника, когда мы входим в помещение домашней библиотеки писателя, где полки огромных книжных шкафов заполнены старыми фолиантами.

-- Начну с небольшой предыстории, -- говорит Валерий Петрович. -- Однажды в 1979 году я увидел сидящего на ступенях у музея мужичка, около семидесяти лет на вид. И как-то прикорнул он, похоже. Жара. Лето. Подхожу: «Вам плохо?». «Нет». Я подсел к нему. Как обычно бывает, поговорили о погоде, о море, о том, о сем. Потом он долго молчал, и, наконец, произнес: «Вы знаете, я был в этом доме очень давно». «Когда вы были? Мне это интересно, я – директор музея». Тут он, вроде бы, замкнулся. Сначала не хотел ничего рассказывать. Но постепенно удалось его разговорить.

Оказалось, был он здесь в годы войны. В качестве... «наводящего». Тогда в Симферополе сформировали специальное подразделение, которое занималось изучением всего культурного наследия, оставшегося в Крыму, особенно на Южном берегу, где, как фашисты знали, было много дач. «Изучение», как вы понимаете, состояло в том, чтобы вывезти в Германию самое ценное. И вот, этому человеку, учитывая, что он местный житель, с ЮБК (знал, где и что располагалось), была поставлена задача: со специальной командой ездить по дачам и собирать ценности. Из дома писателя он, по его словам, вывез в Симферополь полмашины картин, рукописей, книг. Так же вывозил и из других дач в Алушке, Ливадии, иных городах. После войны его осудили на 10 лет, затем он отбывал ссылку. И вот, спустя десятилетия, приехал посмотреть – что же здесь теперь...

Конечно, далеко не все найдено. Некоторые книги сохранил кто-то из местных жителей, и потом вернул писателю. Когда, уже после победы, ценности возвращали в Союз, часть рукописей Сергеева-Ценского попала в архивы Киева. Одна из тамошних сотрудниц написала в Алушту: «Сергей Николаевич, я нашла некоторые ваши рукописи». Писатель получил их. Через несколько лет уже дочь этой женщины прислала письмо в наш музей: уважаемые сотрудники, я обнаружила еще несколько рукописей. Часть документов попала к нам через Белоруссию, какими-то окольными путями.

У нас очень большой и интересный газетный архив. Помимо того, что есть материалы до 1917 года и периода гражданской войны, много газет времен Великой Отечественной – где напечатана публицистика Сергеева-Ценского. Подобные издания можно найти лишь в Российской Государственной библиотеке и еще в некоторых архивных учреждениях. Их даже в Интернете нет.

4. «... вторая родина моя, Алушты край уединенный»

После освобождения Крыма Сергееву-Ценскому направили телеграмму: «Уважаемый Сергей Николаевич! Алушта освобождена, и мы будем рады видеть вас в родном городе!» Писатель возвращается в Крым. Но его дом разрушен, и особым распоряжением

Алуштинского горисполкома Сергею Николаевичу выдается разрешение на временное проживание в одном из домиков на территории санатория «Авиапром» (позднее санаторий «Рабочий уголок») рядом с дачей академика архитектуры А. Н. Бекетова. Там он с Христиной Михайловной живет с 1944 по 1946 год, пока восстанавливается его дом.

Именно в этот период завязались теплые отношения у писателя с Василием Павловичем Тальшевым. Бывший моряк-севастополец, а в годы войны разведчик Алуштинского партизанского отряда Тальшев после освобождения полуострова стал одним из первых председателей Алуштинского горсовета, а затем заместителем председателя райисполкома. Когда у города возникала большая необходимость в горюче-смазочных материалах, председатель обращался с просьбой о помощи к Сергееву-Ценскому. То была тяжелая пора восстановления городского хозяйства, город практически ничего не получал, все было жестко лимитировано. А черноморцы после освобождения Крыма подарили писателю полуторку и, как академику, ему от государства выделялось определенное количество горючего для ее эксплуатации. Чем Сергеев-Ценский и делился с Алуштой. Эта техника также помогала алуштинцам в доставке овощей и фруктов в период их заготовки.

Теплая и крепкая мужская дружба Тальшева и Ценского -- двух абсолютно разных личностей, понимавших и глубоко уважавших друг друга, любивших Крым и родной город, -- продолжалась до последних дней писателя. И позже Василий Павлович оставался одним из самых желанных гостей Христины Михайловны, а затем и музейных работников. Вот что он вспоминал в 1982 году: «Во время фашистской оккупации на даче Ценского сначала жили немцы, румыны, потом дом был превращен в конюшню и затем почти разрушен. Жить там, конечно же, было невозможно. Лишь после восстановления семья писателя переселилась к себе. Я у Сергея Николаевича и Христины Михайловны был частым гостем, при наших встречах писателя интересовала борьба партизан Крыма с немецко-фашистскими захватчиками, нынешнее положение дел в городе. Мы беседовали обычно в его рабочем кабинете или в его любимой «шагальне», где он часто читал свои рассказы, стихотворения, произведения Владимира Маяковского, Максима Горького. Многие – наизусть. Христина Михайловна, бывшая учительница, создавала все условия для творческой работы своего мужа».

После смерти Тальшева его семья передала на вечное хранение в дом-музей писателя награды и документы бывшего алуштинского партизана. Ныне они представлены в экспозиции на отдельном стенде.

Говоря о Сергее Николаевиче Сергееве-Ценском, можно привести много примеров его дружбы с простыми людьми. Мы сейчас рассказали только о двух, связанных с нашими земляками, которые (каждый по-своему) внесли свой вклад в победу над фашизмом.

Писатель-академик делал очень многое для людей, причем совершенно бескорыстно. Так, Еще в Алма-Ате он и Христина Михайловна познакомились с большой семьей генерала Панфилова, геройски погибшего при защите Москвы в самом начале войны. Так как у него, как у писателя-академика был особый паек, а семья погибшего генерала фактически голодала, Сергей Николаевич, по рассказам Марии Ивановны Панфиловой, приехавшей после войны в Алушту, помог сохранить жизнь ей и ее детям. Когда была жива Христина Михайловна, Панфиловы были частыми гостями в алуштинском доме писателя. В архиве дома-музея сохранились письма писателю-академику от бывших фронтовиков -- раненных, инвалидов с просьбой оказать финансовую помощь. К каждому обращению приложена квитанция – об отправлении определенной суммы.

Вместе с женой Сергей Николаевич материально поддерживал алуштинский детский дом (который, кстати, носил имя Сергеева-Ценского). Дети были частыми гостями у писателя. И сейчас в музее почетное место занимает вышитая воспитанниками детдома в начале пятидесятых годов большая картина с изображением ордена Победы и боевых знамен нашей страны. Она совершенно органично вписывается в экспозицию, связанную с нынешним «Праздником цветущего миндаля», посвященным 65-летию Великой Победы. Здесь выставлены работы юных алуштинцев, занимающихся в детской художественной школе, представлены отпечатанные на машинке некоторые рукописи Сергеева-Ценского, датированные 1942-43 годами.

Надо заметить, что музейный коллектив, которым без малого четыре десятилетия руководит кандидат филологических наук Валерий Цыганник, проводит большую работу по изучению правдивой истории Великой Отечественной войны, по патриотическому воспитанию школьников. Это и встречи, экскурсии, и различные творческие конкурсы, и тот же весенний «Праздник цветущего миндаля».

К слову, на территории дома-музея находится единственная сохранившаяся в Алуште миндальная роща!

* * *

Вот так, мысленно перелистывая отдельные страницы биографии известного писателя, связанные в основном с периодом Великой Отечественной войны, начинаешь понимать, насколько же велик, насколько мужественен был его труд: как творческого человека, как личности. И как человека вообще – готового прийти в тяжелую минуту на помощь даже незнакомым людям, с искренней верой в то, что помощь эта крайне важна, что она может спасти жизнь человеку.

И невольно задаешься вопросом: а много ли, вообще-то, мы знаем о жизни и творчестве знаменитых наших земляков, о том, как помогали они в трудное для страны время ковать победу? Интересуемся ли мы этим в бесконечной суете и рутине каждодневных дел?

Виктор МЕХОНЦЕВ,

Заслуженный журналист Автономной Республики Крым

На снимках: С. Н. Сергеев-Ценский в своем московском кабинете; «крымский Мересьев» - Захар Сорокин в годы войны; Герои Советского Союза Захар Сорокин (сидит справа) и Алексей Мересьев в гостиной писателя (третий человек на снимке, очевидно, кто-то из друзей или родственников летчиков).

Фото из фондов дома-музея С. Н. Сергеева-Ценского,
Алушта, Республика Крым